

Л. С. СИДЯКОВ

ПУШКИН И ЖУКОВСКИЙ

(У истоков биографизма пушкинской лирики)

Вопрос о творческих контактах А. С. Пушкина и В. А. Жуковского, несмотря на его очевидную важность как для изучения обоих поэтов, так и для исследования путей развития русской литературы первых десятилетий XIX в. в целом, не принадлежит к числу всесторонне изученных проблем. Наиболее крупный вклад в его изучение внес Г. А. Гуковский [1], однако и в его книге вопрос этот освещен далеко не полно. И. М. Семенко сосредоточила внимание преимущественно на стилистическом аспекте темы, подробно рассмотрев восходящие к Жуковскому «словесные темы» пушкинской лирики [2, 3]. Если добавить к этим работам давнюю статью И. Р. Эйгеса [4], то перечень научно актуальных исследований, специально посвященных проблеме «Жуковский и Пушкин» в ее целостности, окажется почти исчерпывающим (одному из частных аспектов этой темы посвящена новейшая статья Р. В. Иезуитовой [5]). Вместе с тем очевидно, что только проследив характер воздействия творчества Жуковского на Пушкина во всех возможных аспектах, можно получить точное представление о роли, которую сыграла поэзия Жуковского в формировании индивидуальной художественной манеры Пушкина-лирика.

В предлагаемой статье затрагивается лишь один аспект многогранной проблемы «Пушкин и Жуковский», а именно роль, которую в процессе развития пушкинской лирики сыграла поэзия Жуковского для формирования одной из важнейших особенностей творчества Пушкина — его открытого биографизма, благодаря которому *творчество* поэта неразрывно связывается с его *жизнью*. Явление это не может быть, конечно, объяснено воздействием лишь какой-либо одной поэтической системы. Однако несомненно, что свою роль сыграл тут и поэтический опыт Жуковского, поэзия которого впервые явственно обнаружила связь лирики с поэтической личностью автора, включая соотнесенность с определенными событиями конкретной биографии поэта. Правда, в лирике Жуковского этот биографизм проявляется не столь открыто, как у Пушкина, однако возможности, заключенные в ней, могли способствовать развитию биографизма пушкинской лирики.

О том, что поэзия Жуковского тесно связана с обстоятельствами его жизни, нашедшими в ней отчетливое отражение, говорил еще В. Г. Белинский. «Жуковский, — писал он, — был первым поэтом на Руси, которого поэзия вышла из жизни. <...> До Жуковского на Руси никто и не подозревал, чтоб жизнь человека могла быть в тесной связи с его поэзией и чтоб произведения поэта могли быть вместе и лучшею его биографией» [6, с. 190]. Речь, разумеется, идет не о том, что Жуковский прямо вводил обстоятельства своей жизни в поэзию, это как раз, если не считать некоторых его шуточных стихотворений и «домашней семантики» дружеских посланий, ему почти не свойственно; однако лирическое содержание

произведений поэта явно ориентировано на то, чтобы читатель мог угадать глубинную связь его стихов с биографической основой. По справедливому замечанию Г. А. Гуковского, жизнь Жуковского «стоит за его стихами, хотя именно только за ними, а не в них. <...> Поэзия становится расказом о подлинной жизни, хотя прямо о ней и не говорит» [1, с. 141—142].

И этот глубоко скрытый биографизм тем не менее настолько очевиден, что именно в нем современники увидели одну из характернейших особенностей его творчества, определившую новаторский вклад Жуковского в русскую поэзию. Показательно в этом отношении замечание, оброненное П. А. Вяземским: «Сохрани, Боже, ему быть счастливым: с счастьем лопнет прекраснейшая струна его лиры» [7, с. 227]. Вяземский имеет в виду одну из важнейших лирических тем Жуковского — несчастную любовь, восходящую к реальным обстоятельствам жизни поэта. «Трагическая история любви Жуковского к Маше Протасовой-Моейер, — писал Г. А. Гуковский, — хорошо известная многочисленному кругу его друзей и знакомых, стала как бы основой, скрытым содержанием его творчества. <...> Она стала сюжетом единого комплекса его произведений, сюжетом его бессюжетной лирики» [1, с. 142].

Мы еще вернемся к некоторым сторонам этого суждения ученого; пока же ограничимся указанием на то, что именно в теме несчастной любви скрытый биографизм лирики Жуковского наиболее полно обнаружил свои возможности, что помогло Пушкину-лицейсту уже широко обращаться к поэзии Жуковского. (Здесь нет необходимости касаться известных обстоятельств эволюции лицейской лирики Пушкина, в которой движение, условно говоря, от Батюшкова к Жуковскому определили примерно с конца 1815 г. творческую переориентацию молодого поэта [8, 9]).

Первая же недатированная запись дошедшей до нас части лицейского дневника Пушкина (скорее всего, она относится к 27 ноября 1815 г.) заканчивается лаконичным, но многозначительным сообщением: «Жуковский дарит мне свои стихотворенья» [10, т. 12, с. 295]. Речь идет о первой части «Стихотворений Василия Жуковского» (Спб., 1815), еще до выхода в свет подаренной автором своему юному собрату; Пушкин, таким образом, стал одним из первых обладателей этой книги [11, с. 115].

Очевидно, что лестный подарок не остался без внимания, и Пушкин, видимо, тут же перечитывает стихотворения Жуковского, многие из которых, конечно, были ему известны еще ранее. В частности, относится это и к стихотворению «Певец» (1811), впервые напечатанному в 1813 г. в «Вестнике Европы»: реминисценции из него легко угадываются в пушкинских «Воспоминаниях в Царском селе» (1814). Ср.:

Жуковский

*Чуть слышно там плескает в
брег струя;
Чуть ветерок там дышит меж
листами...*

[12, с. 109]

Пушкин

*Чуть слышится ручей, бегущий
в сень дубравы,
Чуть дышет ветерок, уснувший
на листах...*

[10, т. 1, с. 78]¹

Естественно, что «Певец» вновь обратил на себя внимание Пушкина, нашедшего в нем нечто соответствующее его собственным настроениям

¹ Курсив наш. — Л. С.

и одновременно поэтическим устремлениям. Цитата из стихотворения Жуковского органично вплетается в другую дневниковую запись Пушкина (29 ноября 1815 г.), посвященную его любви к Е. П. Бакуниной, причем — и это очень показательно — строки из «Певца» совмещаются с его собственными стихами, вызванными этим чувством и, конечно же, навеянными лирикой Жуковского, вновь им в это время прочувствованной.

«И так я счастлив был, и так я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгом ушивался...
И где веселья быстрый день?
Промчался летом сновиденья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вокруг меня угрюмой скуки тень!...

Я счастлив был! ... нет, я вчера не был счастлив; поутру я мучился ожиданьем, с неописанным волнением стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу — ее не видно было! — наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с нею на лестнице, сладкая минута!...

Он пел любовь — но был печален глас.
Увы! он знал любви одну лишь муку! —

Жуковский.

Как она мила была! как черное платье пристало к милой Б[акуниной]! Но я не видел ее 18 часов — ах! какое положенье, какая мука. — — — Но я был счастлив 5 минут — —» [10, т. 12, с. 297].

Цитата из Жуковского, таким образом, дополняет пушкинское стихотворение, оказывается эмоционально созвучной ему.

«Певец» вообще оказался одним из тех стихотворений Жуковского, которое особенно прочно закрепилось в творческом сознании Пушкина, начиная с навеянного им, как это неоднократно отмечалось (см., напр., [1, с. 27]), одноименного стихотворения («Певец», 1816) и кончая описанием могилы Ленского в «Евгении Онегине», повторяющем некоторые детали пейзажа Жуковского [4, с. 207—208]. Но в томе «Стихотворения В. Жуковского» «Певец» был окружен рядом других стихотворений, с которыми его связывает общность лирической темы и стоящих за ней биографических обстоятельств. Некоторые из них прямо называются и, переходя из стихотворения в стихотворение, приобретают характер устойчивых биографических реалий, позволяющих связать воедино ряд лирических произведений по сюжетному признаку (напомним суждение Г. А. Жуковского о сюжетобразующей функции биографических обстоятельств в лирике Жуковского). Несчастливая любовь, поставленная в ряд с другими обстоятельствами, на которые намекают стихотворения Жуковского, также становится одной из таких биографических реалий.

Первая часть «Стихотворений В. Жуковского», построенная по жанровому принципу, включала в себя, в частности, послания, романсы и песни, т. е. значительную часть лирических произведений, в которых нашли свое отражение драматические обстоятельства любви поэта к М. А. Протасовой. Любовная тема в стихах Жуковского, правда, наименее конкретна; однако, выступая рядом с другими биографическими реалиями, более непосредственно отсылающими читателя к конкретным обстоятельствам жизни поэта, и она приобретает большую конкретность; во всяком случае, настойчивое повторение самой темы *несчастной* любви,

а также устойчивость некоторых поэтических формул, связываемых с объектом любви автора, создает условия для ее восприятия именно в биографическом ключе.

Нет! счастье к бытию меня не приучало;
Мой юношеский цвет без запаха отцвел.
Едва в душе своей для дружбы я созрел —
И что же!.. предо мной увядшего могила;
Душа, не воспылав, свой пламень угасила.
Любовь... но я в любви нашел одну мечту,
Безумца тяжкий сон, тоску без разделенья
И невозвратное надежд уничтоженье.

«К Филалету. Послание» (1808) [12, с. 77]

Дружба и любовь, при всей внешней неконкретности воплощения обеих тем, что связано с общим характером стихотворения², тем не менее предстают в нем так, что допустимо предположение о возможности каких-то определенных обстоятельств, стоящих за поэтическими lamentациями автора, тем более что ранняя смерть друга как биографическая реалья выступает не в одном только этом стихотворении Жуковского. Ср., например, в элегии «Вечер» (1806): «Один — минутный цвет — почил, и непробудно, И гроб безвременный любовь кропит слезой» [12, с. 48]. Более того, послание А. И. Тургеневу («Тургеневу в ответ на его письмо», 1813) в первом издании «Стихотворений В. Жуковского» сопровождалось пространными примечаниями³, открывавшимися сообщением: «Сие послание посвящено воспоминаниям молодости: двух друзей, украшавших ее, нет уже на свете» [12, с. 176]. Далее же, комментируя соответствующие стихи послания, Жуковский подробно сообщал об этих «двух друзьях» — Ан. И. и И. П. Тургеневых, — раскрывая их характер и сообщая об обстоятельствах их жизни [12, с. 179, 180]. Примечания эти, приводя содержание стихотворения к прямым жизненным обстоятельствам, о которых в них говорится, придают «воспоминаниям», включенным в контекст послания, значительную конкретность, способствуя одновременно биографическому прочтению и других произведений Жуковского. Кроме того, будучи явной биографической реальей, упоминание о смерти друга придает подобное же значение и совмещенной с нею в послании «К Филалету» теме несчастной любви, тем более что, воссоздавая ее, поэт также намекает на конкретность стоящих за нею жизненных обстоятельств, хотя сами они в стихотворении предстают нарочито туманно:

С каким бы торжеством я встретил мой конец,
Когда б всех благ земных, всей жизни приношеньем
Я мог — о сладкий сон! — той счастье искупить,
С кем жребий не судил мне жизнь мою делить!...

[12, с. 77]

Такое же совмещение обеих тем — утраченной дружбы и безнадежной любви — мы находим и в «Певце», легко связывая, таким образом, его

² Объясняя отказ от имени А. И. Тургенева как адресата стихотворения «К Филалету», Н. В. Измайлов замечал: «... послание написано в столь общих выражениях, свойственных элегической поэзии Жуковского этого времени, что конкретный адресат не имеет существенного значения» [13, с. 775].

³ Примечания вынесены в специальный раздел второй части «Стихотворений В. Жуковского» (Спб., 1816, с. 321—323), вышедшей вскоре вслед за первой (цензурное разрешение обеих частей — 7 октября 1815 г.).

лирического персонажа с лирическим «я» других стихотворений Жуковского:

Он дружбу пел, дав другу нежну руку,—
Но верный друг во цвете лет угас;
Он пел любовь — но был печален глас;
Увы! он знал любви одну лишь муку...

[12, с. 110]

Приводя последние два стиха в своем дневнике, Пушкин мог легко соположить цитату из «Певца» с собственным стихотворением, связывая его, так же как и стихотворение Жуковского, с реальным любовным переживанием, претворяя его, разумеется, в соответствии с элегическим каноном. Это открывало возможности для биографической соотнесенности и других стихотворений, воплощавших чувство к Бакуниной, и объединения их по сюжетному признаку, подобно тому как Пушкин находил это в стихотворениях Жуковского.

Выше уже приводились слова Г. А. Жуковского, отмечавшего подспудную сюжетную организацию любовной лирики Жуковского. То, что она складывается в определенное единство, отмечалось исследователями неоднократно (см., напр., [14, с. 251; 15, с. IX]). Условия для подобного восприятия создавала и первая часть «Стихотворений В. Жуковского», и Пушкин, несомненно, должен был обратить на это внимание. В частности, «Певец» выступал здесь в окружении ряда романсов и песен, восходящих большею частью к определенным источникам, но представляющих собой, как это обычно для Жуковского, его собственные лирические признания.

И. М. Семенко высказано правдоподобное предположение: «Не исключено, что не только тип художественного дарования Жуковского, но и жизненная ситуация заставляли его искать „образцы“, переводя которые он как бы говорил и от своего и не от своего имени» [3, с. 23]. Действительно, заимствованный характер произведений мог способствовать некоторой конспирации, необходимой при крайне запутанных отношениях Жуковского с Е. А. Протасовой, ревниво относившейся ко всему, что в стихах поэта могло прямо или косвенно напоминать о его чувстве к ее дочери (например, известная история с исполнением Жуковским романса А. А. Плещеева на слова его стихотворения «Пловец» на домашнем концерте, после чего Е. А. Протасова потребовала немедленного отъезда поэта; см. [16, с. 50]).

Кстати, любовь Жуковского к Маше ее мать склонна была приписывать верности поэта своему призванию: «Тут В<асилий> А<ндреич> сделался поэтом, уже несколько известным в свете. Надобно было ему влюбиться, чтоб было кого воспевать в своих стихотворениях. Жребий пал на мою бедную Машу. Ей было тогда 11 лет» [17, с. 294]. Тут, конечно, Е. А. Протасова далека от истины; однако Жуковский действительно претворял жизненные обстоятельства в поэтическую тему своей лирики и осуществлял это таким способом, что единство контекста создавало условия для ее проекции на стоящую за ней жизнь поэта.

Среди этих условий оказывается и отмеченная устойчивость в характере воплощения любовной темы как темы именно несчастной любви (мотивы неизбежной разлуки, утраты надежд и т. п.), а также повторяемость некоторых образов и поэтических определений. В качестве примера можно привести отрывок из «Песни» 1811 г. («О милый друг! теперь с тобою радость!»). Пушкин, вероятно, обратил внимание на это стихотворение; во всяком случае, он хорошо его запомнил; явную реминисценцию из него можно увидеть в более позднем «19 октября» (1825). Ср.:

Пушкин
Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я *разлуку*,
Кому бы мог пожать *от сердца*
руку...

[10, т. 2, с. 424]

Жуковский
О милый друг, нам рок велел
разлуку:
Дни, месяцы и годы пролетят,
Вотще к тебе простру *от сердца*
руку...

[12, с. 107]

Стихи из упомянутой «Песни»:

Любовь ни времени, ни месту не подвластна;
Всегда, везде ты мой *хранитель-ангел* будь,
Меня, *мой друг*, не позабудь.

[12, с. 107]—

тем легче могли быть сопоставлены с началом другой «Песни» (1808), что последняя непосредственно предшествовала ей в первой части «Стихотворений В. Жуковского». Ср.:

Мой друг, хранитель ангел мой,
О ты, с которой нет сравненья,
Люблю тебя, дышу тобой;
Но где для страсти выраженья?

[12, с. 79]⁴

Подобные повторения, а также единство ситуации, по-разному предстающей в разных стихотворениях (Н. В. Измайлов замечал, что при внешнем однообразии любовной лирики Жуковского «более внимательное изучение обнаруживает <...> множество оттенков чувств и мыслей, посвященных одной общей теме, но выраженных в очень разнообразных ритмах и образах» [14, с. 251]), способствуют их восприятию в проекции на конкретную личность поэта и стоящие за ней определенные биографические обстоятельства. Это оказывалось тем возможным, что при относительной узости круга воспринимавших лирическую поэзию Жуковского читателей сами эти биографические обстоятельства были достаточно известны и легко угадывались. Не был, вероятно, исключением и Пушкин, окружение которого было хорошо осведомлено о перипетиях романа Жуковского, сведения о котором в той или иной степени должны были доходить до юного поэта. Но даже если это было и не так, контекст лирики Жуковского создавал условия для ее биографического восприятия, и уже одно это давало возможность Пушкину подобным же образом строить и свою любовную лирику, для которой, как это многократно указывалось, именно стихотворения Жуковского представляли наиболее плодотворную традицию.

Биографическая конкретность стихотворений так называемого «бакунинского цикла» лицейской лирики Пушкина давно уже замечена исследователями (см., напр., [18; 19, с. 134—144]). Сам этот «цикл» представляет собой, несомненно, искусственное объединение внешне не связанных между собой пушкинских стихотворений (традиция их циклизации восходит к исследованиям поэтов-символистов). З. Г. Минц справедливо отмечает, что стремление А. А. Блока при комментировании лицейских стихотворений Пушкина объединять их в циклы по именам женщин, которым они посвящены, и прежде всего Бакуниной, было следствием их осмысления «в понятиях привычной для него поэтики» [20, с. 194]. Поэтому оперировать этим обозначением следует очень осторожно, осознавая его условность.

⁴ Курсив везде наш. — Л. С.

Важно, однако, не то, возможно ли действительно — и каким именно образом — объединить стихотворения, связанные с Бакуниной, в определенный «цикл», сколько то, что сама их биографическая основа явственно ощутима, и это обстоятельство привело к стремлению осознать их как некое единство. Правда, исследователя здесь подстерегает опасность, которую не смогли преодолеть ни Брюсов, ни Блок [21, с. 177—178], стремившиеся, как оказалось вопреки хронологии, выстроить стихотворения «цикла» в строгой сюжетной последовательности (Брюсов выделял даже подциклы, соответствующие как бы «главам» пушкинского романа). Однако сама возможность подобного биографического истолкования, действительно, заключена в стихотворениях «бакунинского цикла», и в этом отношении совершенно прав тот же Брюсов, отмечавший, что они «рассказывают нам всю историю его <Пушкина> любви к Бакуниной, позволяют проследить весь постепенный рост его чувства, все перипетии его первого романа» [18, с. 25].

Именно эта биографическая потенция лицейских любовных элегий Пушкина помимо их реальной соотнесенности с «перипетиями его первого романа» может рассматриваться как результат его поэтической учебы у Жуковского. Не останавливаясь подробнее на анализе лицейских элегий Пушкина 1816 г., проследим лишь некоторые особенности их, позволяющие угадывать стоящие за ними конкретные обстоятельства, — подобно стихотворениям Жуковского. Такие мотивы, как смена счастья разочарованием, отъезд возлюбленной, ставший источником страданий влюбленного поэта, воспоминания о прошлых встречах, — все это, повторяясь, придает определенное внутреннее единство стихотворениям Пушкина. Вот несколько примеров. Стихотворение «Сон»:

И я мечту молодой любви вкусил.
И где ж она? Восторгами родилась,
И в тот же миг восторгом истребилась.
Проснулся я...

[10, т. 1, с. 189]

Ср. в стихотворении «Разлука»:

Когда пробил последний счастью час,
Когда в слезах над бездной я проснулся,
И, трепетный, уже в последний раз
К руке твоей устами прикоснулся—
Да! помню все; я сердцем ужаснулся...

[10, т. 1, с. 200]

Это ощущение смены радости любви ее горестями оказывается одной из важнейших лирических эмоций, на которой строятся элегии «бакунинского цикла», и она подкрепляется воспоминаниями о встречах с возлюбленной, которые единственно остались в удел страдающему поэту:

Уж нет ее... я был у берегов,
Где милая ходила в вечер ясный;
На берегу, на зелени лугов
Я не нашел чуть видимых следов,
Оставленных ногой ее прекрасной.
< >
Уж нет ее!... До сладостной весны
Простылся я с блаженством и с душою.

(«Осеннее утро») [10, т. 1, с. 198]

Ср. в уже цитированном стихотворении «Разлука»:

О милая, повсюду ты со мною:
Но я уныл, и в тайне я грущу.
Блеснет ли день за синею горою,
Взойдет ли ночь с осеннею луною —
Я всё тебя, прелестный друг, ищу...

[10, т. 1. с. 200]

Конечно, все это очень неконкретно, и Пушкин отнюдь к конкретности не стремится; однако повторяемость некоторых мотивов и образов необходима ему именно для того, чтобы намекнуть на возможность приурочения стихотворений к единой биографической основе, угадываемой, пользуясь выражением Г. А. Гуковского, *за* ними.

Летите прочь, воспоминанья!
Засни, несчастная любовь!
Уж не бывать той ночи вновь,
Когда спокойное сиянье
Твоих таинственных лучей
Сквозь темный ясень пронизало,
И бледно, бледно озаряло
Красу любовницы моей.
< >
Зачем ты, месяц, укатился
И в небе светлом утонул?
Зачем луч утренний блеснул?
Зачем я с милою простился?

(«Месяц») [10, т. 1, с. 209—210]

Все это, конечно, выдает еще неопытность и наивность выражения чувств молодого поэта (хотя так называемый «бакунинский цикл» включает в себя и элегию «Желание», которую Г. А. Гуковский справедливо определял как «шедевр пушкинской учебы у Жуковского» [1, с. 121]); да и биографическая основа проступает здесь весьма неопределенно. Но все же она ощутима, и это позволило, скажем, Брюсову, пусть и не бесспорно, но реконструировать ее именно по пушкинским стихам. В лицевой поэзии Пушкина «бакунинский цикл» выделяется именно тем, что допускает прямую биографическую приуроченность ряда лирических текстов, объединяемых по этому признаку. Такая автобиографическая ориентация служит в известной мере прообразом того, как уже зрелый Пушкин будет строить свою лирику, создавая в ней *систему* биографических реалий — конкретных обстоятельств неповторимой биографии поэта.

* * *

Поэзия Жуковского была первым в русской поэзии опытом построения лирики на основе своего рода глубинного биографизма (в отличие от внешнего биографизма Г. Р. Державина), объединявшего поэтическую личность автора с некоторыми обстоятельствами конкретной жизни поэта, и уже Пушкин-лицеист остро ощутил эту особенность и попытался, хотя еще и недостаточно последовательно и умело, воплотить ее в собственной лирике. Эта ранняя попытка во многом определила пути поиска Пушкиным тех особенностей построения собственной поэзии на реально-биографической основе, которые придадут его творчеству неповторимое своеобразие и определяют его уникальную судьбу в русской культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965.
2. Семенко И. М. Пушкин и Жуковский.— Филологические науки, 1964, № 4, с. 118—130.
3. Семенко И. Жизнь и поэзия Жуковского. М., 1975.
4. Эйгес И. Пушкин и Жуковский.— В кн.: Пушкин — родоначальник новой русской литературы: Сб. научно-исследовательских работ. М.—Л., 1941, с. 193—216.
5. Иезуитова Р. В. Шутливые жанры в поэзии Жуковского и Пушкина 1810-х годов.— В кн.: Пушкин: Исследования и материалы. Т. X. Л., 1982, с. 22—47.
6. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. VII. М., 1955.
7. Остафьевский архив кн. Вяземских, <т.> 1. Спб., 1899.
8. Томашевский Б. Пушкин. Кн. 1. М.—Л., 1956, гл. 1.
9. Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1813—1826). М.—Л., 1950, гл. 2 и 3.
10. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 1—16 и Справочный том. М., 1937—1959.
11. Цяловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962.
12. Жуковский В. А. Собр. соч. В 4-х т. Т. 1. М.—Л., 1959.
13. Жуковский В. А. Стихотворения. Л., 1956 (комментарии).
14. Измайлов Н. В. В. А. Жуковский.— В кн.: История русской поэзии. В 2-х т. Т. 1. Л., 1968, с. 237—265.
15. Вольпе Ц. В. А. Жуковский.— В кн.: Жуковский В. А. Стихотворения. Т. 1. Л., 1939, с. V—XLVIII.
16. Зейдлиц К. К. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. Спб., 1883.
17. Уткинский сборник, <т.> 1. М., 1904.
18. Брюсов В. Первая любовь Пушкина: (Е. П. Бакунина).— В кн.: Брюсов В. Мой Пушкин: Статьи, исследования, наблюдения. М.—Л., 1929, с. 25—31.
19. Городецкий Б. П. Лирика Пушкина. М.—Л., 1962.
20. Минц З. Г. Блок и Пушкин.— Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, 1973, вып. 306.
21. Блок А. Собр. соч. В 8-ми т. Т. 8. М.—Л., 1963.